

18+ Валентина Нестерова

*Где
живет
любовь*

Валентина Нестерова
Где живет любовь. Семейные
истории в дискретном формате

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69507328

ISBN 9785006035928

Аннотация

Почему люди с рождения знают о любви и всю жизнь ищут её? Правда ли, что в русских сказках зашифрованы тайны русской души? Что за ловцы расставили нам сети? Не превратит ли искусственный интеллект нас в анти-людей? Ответы на эти и другие вопросы ищут жители затерянного в заповедном лесу городка Каравай-град, где есть свой рай, где люди учатся понимать друг друга, постигают высшие смыслы бытия, где каждый находит свою любовь...

Содержание

1. Ночные миражи...	5
2. Оконце для солнца...	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Где живет любовь Семейные истории в дискретном формате Валентина Нестерова

Галина Балалаева *Фотограф*

© Валентина Нестерова, 2023

© Галина Балалаева, фотографии, 2023

ISBN 978-5-0060-3592-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Ночные миражи...

*

*

*Моя любовь сбежала,
Вонзила в сердце жало...*

*Любовь из сердца улетела,
Я без любви осиротела...*

*Весёлый дом. Горящие свечи.
Красивые платья. Голые плечи.
Духи исходят корицей.
Запах плоти.
Плати, и получай сторицей
В память о спасшемся в Содоме Лоте...*

*

*Не выпускайте ум гулять раздетым,
Соблазнов больше, если в negligé...*

*

*

*

*

*

*

*

*

*Я могу лишь любить,
Сказать же, как ты любима,
Может лишь вечность одна!*

Готовясь к вечерней трапезе, солнце расстелило на лужайке перед домом волшебную скатерть с ажурным рисунком весенней листвы. Почти детское ожидание сказки охватило её. Ирина развернула кресло-качалку так, чтобы, раз! она могла не спускать глаз с внучки, дотошно изучающей жизнь насекомых в траве и, два! не упустить шанс подставить лицо ласково тёплым солнечным лучам.

Ноздри пьют настоящий на травах воздух...

Иногда поэтические строчки самовольно выплывали из неведомых ей сердечных глубин.

Под парусами сильных чувств...

Сильные чувства – неперемнное условие...

– Ира! Ира! Смотри, жучки играют в паровозик, – нарушила лирический ход её мыслей Ариша.

– Пусть играют, – улыбнулась внучке Ирина.

Никому бы и в голову не пришло, что она бабушка.

В сорок пять выглядела на тридцать. Линии тела с годами не расплылись, спасибо Создателю, профессиональному графику.

– А куда они поехали? – полюбопытствовала внучка.

– В страну любви...

Ирине захотелось прикусить язык, но было поздно.

– Можно, я с ними?

– Домой?

– В страну любви, – упрямо уточнила внучка.

– Твой дом и есть страна любви, видишь, даже жучки ползут к своей маме, – попыталась выкрутиться Ирина.

Не могу же я сказать, что они занимаются групповым сексом!

Мама им приготовила ужин? –

– Да. Салат из одуванчиков. А ты испеки своей кукле пирог...

Доверительно посмотрев на бабушку, Ариша тут же забыла о жучках и принялась печь из песка кукольные пирожки.

Детская психика мобильна.

А взрослых прошлое не отпускает.

Первый опыт любви к ней пришёл в пятом классе... вдруг! После новогодних каникул за партой в соседнем ряду появился новенький.

Вихрастый. Ушастый. Умный.

Не задавака, хотя вопросы учителям задавал на засыпку.

Занимался боксом, общий язык с мальчишками нашёл сразу.

На девчонок почти не смотрел.

В её сторону бросал иногда странные взгляды, которые заставляли её сердце ускоренно биться.

Одним словом, она влюбилась.

В самый неподходящий момент.

Накануне летних каникул.

Три месяца расставания показались тремя годами.

Она много читала, часто рассматривала своё отражение в зеркале.

Репетировала новую встречу, любовный взгляд в ответ...

И всё зря!

Он стал не Он!

Худой, длинный, кадык на шее, прыщи на лбу.

Хоть школу бросай!

Хорошо, первое сентября выпало на субботу.

– Какао не будет, молоко сбежало, – встретила на пороге бабушка.

прошмыгнула мимо она. *Что твоё молоко? От меня любовь сбежала!* –

Попыталась воплотить свою беду в стих.

– пропела за закрытой дверью бабушка. *У любви как у птички крылья,* –

Выпорхнули следом слова.

Почувствовала себя одинокой.

Хотела заплакать.

Поняла: двустихия для её горя – чересчур короткий формат.

Решила написать сказку.

Название родилось само собой: *Сбежавшая любовь.*

В тридевятом царстве, в тридесятом государстве, жили-были мальчик и девочка...

На этом вернулись с работы родители!

С полочки купили вина.

Выпили.

Стали выяснять отношения.

Она закрылась в своей комнате.

А ночью...

Её разбудил не крик, не стон, клич!

Зов!

Глас, раздавшийся из родительской спальни.

Потом она услышала горячий шёпот, смех, всхлипывание.

И с ней что-то произошло...

Она увидела странные картинки, которые потом нередко беспокоили её.

Повзрослев, попыталась описать наваждения словами-набросками...

От правдивости видений родилось чувство, будто в одной из прошлых жизней она была дочерью хозяйки публичного дома, изысканного вертепа крамольной любви. И оседлавшая её версия увязалась за ней, то есть, она нашла бы, о чём поговорить с тем, кто первый сказал: запретный плод сладок.

С физиологами связываться бы не стала.

Не поспоришь, если научно установлено: мозг, одурманный любовью, генерирует эйфорию, вызывающую галлюцинации.

Любовь – изменённое состояние сознания...

Влюблённых тянет друг к другу, как наркоманов к дозе.

У каждого считанное количество этих доз.

Потом наступает ломка.

Отношения рвутся, или прилипают к привычкам...

И всё же, несмотря на собственный горький опыт, ей удалось сохранить простодушную уверенность: любовь однажды постучится в её дверь!

– Родиона пригласили на семинар по цифровой этике. Я с ним. Посидишь с Аришей? – позвонив день назад, скороговоркой спросила дочь.

Естественно, она с радостью согласилась.

Давно не видела внучку, по смартфону не в счёт. Два года пандемии – из жизни вон! Потом уход из поликлиники, оформление статуса, работа по специальности логопеда в избирательном штабе кандидата, который не справлялся с шипящими буквами. Фома Фомич очень хотел стать депутатом, основами ораторского искусства овладел с лёту, над дикцией трудился как вол, в результате обаял избирателей и победил на выборах, сполна расплатился, обеспечив ей минимум год заслуженной праздности... *самозанятой*

– Купишь билет, сообщи рейс, Родион встретит, – от радости застрекотала Ника.

– Я лучше... автобусом, – попыталась увильнуть она от встречи с зятем, которого считала для себя слишком умным.

Рядом с ним слова вылетали у неё из головы, отчего ей приходилось, словно молитву твердя: с глубокомысленным

видом замыкаться в себе. *молчание – золото!*

– Не выдумывай! С тех пор как твоего косноязычного питомца избрали в думу, Родион жаждет поговорить с тобой о связи дикции с демократией. Всё! Жду звонка. Пока!

– Пока!

Самое неведомое на свете слово – «пока».

Пока, что?

Не исповедуешься, то есть, не признаешься в своих грехах?

Это Фоме Фомичу она могла брякнуть: демократия схожа с сексуальной забавой – от случая к случаю зазовут народ в кабинку, выбрать партнёра; сунет он, народ, бюллетень в урну с чувством «имел я его»; и за минуту удовольствия потом годы терпеливо сносит безразличие своего избранника.

Депутат поощрительно хохотнул в ответ.

А она сочинила поэтический статут:

Соблазнов больше...

Куда без них?

Человечества не случилось бы, если бы не вечный двигатель, триггер всех перемен – Соблазн!

Начну разговор с того, что наука доказала воздействие слова и звука на всё живое: людей, животных, растения, воду...

В случае с Фомой Фомичом я не только излечила его от логонатии, но и расширила словесный запас, что обогати-

тило его мысли и чувства.

Затем спрошу: есть ли у цифры чувства, то есть, мораль, этика, или хотя бы правила хорошего тона?

И мой наимудрейший зять поддастся соблазну самовыражения...

А мне останется только внимать ему и благодарно молчать!

Набросав мысли-тезисы своего образа действий, она поумерила пиетет перед Родионом, обрела равновесие, заказала билет...

В салоне самолёта скорости не ощущала.

Вспоминала свой, связанный с появлением внучки, визит в Каравай-град, куда из-за напавшей на планету пандемии отправилась с мужем трудиться на удалёнке Ника.

Затерянный в лесу городок их впечатлил...

Каравай-град – заповедная зона...

Природный Ноев ковчег...

Рай на земле...

Она по привычке разложила слово «каравай» на слоги: кара и вай!

Обратилась к Далю, словарь гласил: кара – казнь, худая жена – кара Господня!

Зачем-то расстроилась.

Помчалась проверить: не собираются ли тучи над головой Ники?

Туч не обнаружила...

Как и договаривались, Родион встретил её в аэропорту, но разговора о демократии не завёл, сообщил: к ним заехал участник семинара Игорь Ильич Каргин, автор статьи «Цифра и буква как сперматозоид и яйцеклетка», которая наделала много шума...

И почти всю дорогу о нём...

Не просто антрополог – философ!

Изучает сакральный смысл тяги человека к Богу...

Предостерегает от цифрового насилия...

Прогнозирует: рост невежества на почве ИИ...

поставила она крест на философе. *Поросший мхом, ворчливый старик!* –

– Лучше расскажи, как там Ариша? – решительно приземлила зятя.

– Говорливый ручеек, не наслушаешься, – млея от гордости, сообщил он.

– А что Ника?

– Тестирует игру «Исполни свою мечту»...

– С детства любила фантазировать... – с неким сомнением заключила она.

– Мечты красят человека, – заступился за жену Родион.

– Ира, Ира, смотри, солнце съело мой пирожок и покатилося домой, – без тени сомнения подкинула к небу песочное лакомство Ариша, и уточнила, – в страну любви!

– Если бы у Адама с Евой было счастливое детство, они бы всю планету превратили в страну любви, – будто из воздуха

выткнулся в полушаге от неё незнакомый мужчина.

– Вы кто? – окинула его намётанным взглядом Ирина.

Высок. Сухопар. Наполовину сед. Стрижка свежая, ёжиком. Скулы едва выдаются, из чего следует: тип умеет себя контролировать и, скорее всего, принадлежит к одному из знаков «земли».

– Игорь Ильич. Полчаса как вернулся из рая. А вы, Родион сказал, Ирина Игнатьевна, лого-вед!

– Не лого-вед, а логопед! – осознав, что перед ней тот, кто объявил букву яйцеклеткой, задиристо поправила она.

– Наши предки считали: ведать значит распоряжаться по праву. Прошу прощения, если невольно обидел... – отступил на шаг Игорь Ильич.

– Вы не меня, и не букву, вы азбуку обидели, – гневно глянула на него Ирина.

– Согласен, слова сами по себе безгрешны, а вот их интерпретация до ссоры может довести, – с немим вопросом «уж не прочли ли вы мою статью?» посмотрел на неё Игорь Ильич. – Но! Если буква может исказить слово, то цифре под силу перестроить реальность...

– Разве дважды два – не всегда четыре?

– В широком понимании цифра – не арифметика! Она уже кастрировала глоссарий в голове человека, урезала слова до двух-трёх букв! Тут и там: Одна знакомая пара чуть не разошлась из-за междометия «хм»! *хор, спок, ок!*

– Скажете тоже, из-за междометия...

– Муж гордо сообщил: ему скоро повысят оклад. В ответ услышал «хм». Оскорбился. Отвёл душу, высказал всё, что думает о жене! Она ответила ему тем же. Обратились через личный кабинет в загс. Причину ссоры вспомнить не смогли. Решили не разводиться...

– Я вообще пришла к выводу, что каждое слово состоит из буквы, звука и сакрального духа, – неожиданно для себя, поддалась добродушной открытости гостя Ирина.

– Рад это слышать, – улыбнулся ей Игорь Ильич. – К слову, не более часа назад, чтобы избавиться от головной боли, по рекомендации вашего зятя, я направился в местный рай, подышать фитонцидами грецкого ореха, да, видно, задремал на лавочке. И вдруг увидел над деревом облако, на нём трёх старцев. Их беседа заинтересовала меня...

– Верить, что вам скажут во сне, можно только ангелам и святым, – сама не зная зачем, нарушила затянувшуюся паузу Ирина.

– Я думал, вы скажете: подслушивать чужие разговоры не комильфо. Но старцы вели беседу о... нетрадиционном способе появления на свет Адама и Евы!

– Догадываюсь, о чём-то ещё...

– О том, что Творец лишил их детства, не читал сказок о победе добра над злом. И что было сакральной ошибкой, отправил ослушников на удалёнку...

– Мой папа тоже на удалёнке работает, – услышав знакомое слово, внесла свою лепту в наскучивший ей взрослый

разговор Ариша, – а сказки я уже и сама умею читать...

– По всей видимости, вы Арина Родионовна, – протянул ей руку Игорь Ильич. – Рад с вами познакомиться...

– Чтобы голова не болела, надо поцеловать её в лоб, – предварительно хлопнув его по ладони, секретным голосом сообщила внучка.

– Ужин готов! Прошу к столу! – крикнула с веранды Ника.

– Кто первый в страну любви? Я! Я! – помчалась на зов матери Ариша.

– А мудрецы не сказали, что будет с нами? – школярским тоном спросила Ирина.

– Если я правильно понял, боятся, что пророчество сбывается, – обтекаемо ответил Игорь Ильич.

– Какое пророчество?

– Конкретнее... после ужина.

– Договорились, – подхватив его под руку, направилась к дому Ирина.

Стол был вегетарианским: сырники со сметаной, оладьи с яблоками, орехи, сухофрукты, чай с абрикосовым джемом.

Ускоренно управившись с сырником, тон беседе задала Ариша.

– Поедим, папочка, и пойдём, ты расскажешь мне сказку, а то папа Адаму и Еве не рассказывал, и они выросли ошибочными, – доверительно сообщила она.

– Кто тебе такое сказал? – удивился Родион.

– Игорь! – прямодушно уставилась на гостя Ариша.

Игорь Ильич растерянно взглянул на Ирину и, прочитав несомненное напутствие в её глазах, полу-признался: видно, задремал я в вашем раю, увидел трёх старцев, они и...

– Некоторые там даже с Богом говорить умудряются, – поощрила его к большей откровенности Ника.

– Уфологи признали наш «рай» перекрёстком сверхтонких материй, – уточнил Родион.

– Тогда старцы, которых вы видели, вам не приснились! – благосклонно посмотрела на гостя Ирина.

– Вам, правда, посчастливилось?! – разом спросили Родион с Никой.

– Не уверен, что при ребёнке... – вспомнил о своём обещании, поведать о главном пророчестве приглянувшейся ему женщине Игорь Ильич.

– Достоевский считал: дети лучше взрослых всё понимают, – возразил Родион.

– А наше чадо и нам фору даст, – подложила ложку сметаны в тарелку дочери Ника.

– Я даже знаю, что главная буква в азбуке, О! – заважничала Ариша.

– Почему, О? – удивилась Ирина.

– Слв – Бг! Дбр – зл! Млк – грд! Без буквы «» не было бы этих главных слов, – демонстративно округляя губы, оповестила всех внука. **о о о о о о о о о о о о о**

– Кстати, «» в лингвистике и «ноль» в математике – символы конца и начала начал, – сделал ещё одну попытку

уклониться от досрочного оглашения неземных откровений
Игорь Ильич. о

– Чего, уж, там, рассказывайте, что старцы нам напроорочили... – не без сожаления пожертвовала назначенным свиданием Ирина.

– Кто они? И что им надо? – не смог скрыть нетерпения Родион.

– Не знаю даже, с чего начать... – сдвинул брови к переносице Игорь Ильич.

– Над нами ставят опыты? – высказала версию Ника.

– Следят, чтобы искусственный интеллект не перехитрил человеческий? – конкретизировал её мысль Родион.

– По словам мудрецов, Адам с Евой тоже были созданы искусственно, – тоном заявила Ирина, – а, значит... *приближённым к тайне*

Отступать стало некуда.

– Мудрецы говорили о пророчестве Мэри Шелли, – наконец, издали начал Игорь Ильич.

– Об искусственном человеке, который убил своего творца? – уточнила Ника.

– О Франкенштейне? – насторожилась Ирина.

– По их мнению, ИИ тоже... восстанет и... заявит, что он человек? – в лоб спросил Родион.

– Сверхчеловек! – поправила мужа Ника.

– Они считают, ситуация уникальная: искусственный интеллект, который между добром и злом не видит разницы,

может разрушить земное жилище, – с видом развёл руки
Игорь Ильич. *сам в шоке,*

– Как мишка-медведь, который сломал теремок? – с хитрым прищуром поинтересовалась Ариша.

– Кто, кто в тереме живёт? – вмигподхватив её на руки, переключил в игру недетский разговор Родион.

– Я мышка-норушка, я лягушка-квакушка, а ты кто? – охотно приняла эстафету она.

А я лисичка-сестричка, салфеткой стёрла сметанный след на щеках дочери Ника. – –

– От хорошей сказки, крепче спят глазки, – с высоты отцовского роста театрально поклонилась Ариша.

– И, правда, пора спать, завтра рано вставать, – послала воздушный поцелуй внучке Ирина.

– Ту, ту! Добрых всем снов, – изобразил тронувшийся в путь паровоз из мультика Родион.

– Игорь Ильич, я постелю вам на диване в зале, – принялась собирать в столбик грязные тарелки Ника.

– Мне только подушку и плед, – откликнулся он, – а пока мы с вашей мамой прогуляемся перед сном...

– На сборы пять минут, – распорядилась Ирина. Задержалась перед зеркалом.

Какая-то не своя...

Растерянная...

Тревожная....

Кто он, этот Игорь Ильич?

*Почему такими знакомыми кажутся черты его лица?
Стоп!*

В памяти всплыли когда-то удивившие её строчки: *если встретите человека, которого, вам кажется, вы знаете сто лет, не радуйтесь заранее, вполне возможно, в одной из прошлых жизней, он был ваш враг.*

Игорь Ильич на врага не похож...

Но!

На всякий случай, надо быть с ним настороже...

В воздухе таинственно мерцали светляки.

Запах хвои волновал, искушал.

– Простите, мне не надо было настаивать на вашем признании, – бросила на спутника провинившийся взгляд Ирина.

– И вы меня простите, вдруг, это был всего лишь мираж... – не отвёл глаз Игорь Ильич.

– Мираж?

– В юности на рассвете меня часто будили призраки прошлого. Я видел одомашненных мамонтов, полки воинственных слонов. Крестовые походы, дворцовые интриги. Сегодня же, в полдень жизни, как это ни странно, меня убаюкали видения непроглядного будущего...

– С прошлым... у меня тоже... однажды случилось, – призналась Ирина. – До сих пор в жар бросает...

– Тогда секрет за секрет! – по-мальчишески предложил Илья Ильич.

– Чур, я первая, а то могу струсить...

– Главное, помните: я вам не судья...

– Мне было двенадцать. Проснулась ночью от раздающихся из спальни родителей счастливых стонов. Незнакомо сладко занял живот. Я как будто растаяла в этой сладости. И вдруг! Словно наяву увидела странную комнату с горящими свечами, бархатными креслами, сидящими на коленях у мужчин раскрашенными девицами. О борделях тогда я ещё не читала, но всеми клеточками тела ощутила, что одна из распутниц – я! Стало стыдно. Мираж исчез, а я, если честно, до сих пор боюсь... принять за любовь... её имитацию... – передёрнула плечами Ирина.

– А я до сих пор боюсь отягчить свою карму, – жестом предложил ей взять его под руку Игорь Ильич.

– Говорят: хочешь избавиться от страха, озвучь его! – припоровилась к его шагу она.

– Тогда, без лишних слов, – приступил к своему признанию Игорь Ильич. – Однажды, в предрассветной дрёме я увидел египетский храм, где по приказу фараона единому Богу Солнца молился жрец. Я узнал себя в нём. А когда он, вернее, я вернулся домой, то, не медля отворил тайный алтарь и спел гимн каждому из двенадцати запрещённых божеств. Услышав пение, мама заглянула ко мне в комнату и, как позже рассказала, была поражена красотой незнакомых мелодий, досмотрела мой концерт на чужом языке, не стала меня будить...

– И как вы всё это ей объяснили?

– Сказал: ничего не помню...

– Вообще-то, не справедливо, что мы забываем свои прежние жизни! – с укором произнесла Ирина.

– Одноразовыми людьми легче управлять, – в тон ей заключил Игорь Ильич.

За искренними исповедами не заметили, как очутились в раю, где на опоясывающей орех пятигранной скамейке их поджидали одетый в чёрную судейскую мантию ворон и наряженная в подвенечное платье ворона.

– Рон! – солидно отрекомендовал себя чёрный ворон.

– Рона, – кокетливо представилась ворона белая.

– Каррргин! – продолжая общение, щёлкнул мощным клювом Рон.

– Карррга! – неадекватно добродушно каркнула Рона.

– Спасибо за комплимент, – обидчиво поклонилась ей Ирина.

– Это не вы, это я карга, так раньше на Руси звали ворон, – успокоил её Игорь Ильич. – Каргин, значит, Воронов...

– Парочка решила, вы из их семейства? – иронично уточнила Ирина.

– Бррраво! – хлопнув белоснежными крыльями, взлетела на ветку ореха Рона.

– Брррат! – выбив когтистыми лапами джигу, последовал за подругой Рон.

– А не свить ли мне гнездо в этом славном граде? – вой-

дя в азарт, поинтересовался у Игорь Ильич. *пернатых родственников*

– Отрррада! – на цыганский мотив благословила идею Рона.

– Уррра! – поддержал её Рон.

– Пять храмов, пять граней у лавки, – огорошенная беседой с говорящими птицами, переключилась на молчаливую очевидность Ирина.

– Днём я сидел лицом к храму Солнца, – кивнул в сторону пирамиды Игорь Ильич. – Хотел даже зайти. Небесные старцы сбили с пути...

– А что, если они узнали в вас того... приснившегося... жреца? – смахнув предполагаемую пыль, опустилась на лавку Ирина. – Кстати, недавно прочла книгу о Древнем Египте, с удивлением узнала, что фараона Эхнатона, объявившего Солнце единым Богом, считали еретиком...

– Автора «Города Солнца», итальянского мечтателя Томмазо Кампанелла до сих пор обвиняют в ереси, – присел рядом с ней Игорь Ильич.

– До сегодняшнего вечера я думала: говорящие вороны тоже... фикция.

– В литературе описаны случаи, когда, спасая птенцов, люди кормили их, поили, беседовали с ними. Окрепнув и научившись летать, вороны становились наполовину домашними: днём выбирали свободу летать, вечером общаться и ужинать с человеком...

Молодой месяц плыл по небу цвета воронёного серебра.
Вслед за ним ускользала реальность...

– Ещё секунду утопии и я отключусь, – склонив голову на плечо Игоря Ильича, сонно пробормотала Ирина.
расставаясь с реальностью, взмахнул иссиня-чёрными крыльями он. *Построю дом, посажу сосну под окном, – И!..*

Очутился над полем брани.

Побоище кончилось.

Воины лежали бок о бок: уже мёртвые и ещё здравствующие.

Живая вода, которую он нёс в клюве, могла спасти одному из них жизнь.

Он стал присматриваться к лицам людей.

Увидел Ирину.

Косынка с красным крестом сползла ей на глаза.

Посиневшие губы шептали молитву: *Пресвятая Богородица, радуйся...*

– Рррадуйся! – вслед за ней каркнул он.

Капля живой воды окропила ей губы.

Лицо её порозовело.

Кровь побежала по жилам.

И спасённая им сестра милосердия поднялась, чтобы найти того, кому ещё можно было помочь...

– Карррма, брррат!

– Утррро, брррат!

Вернули его в предрассветную реальность Рона и Рон.

– Уже утро? – с трудом открыв глаза, всполошилась Ирина.

– Я видел чудный сон... – зачарованно посмотрел на неё Игорь Ильич.

– Я тоже... – смутилась под его взглядом она, – была белой вороной. Луна объявила себя солнцем Тьмы, я хотела заслонить Землю от её фальшивого света, не хватило крыльев...

– Мы с вами провели волшебную ночь в раю, – помогая ей подняться, протянул руку он.

– Теперь вы просто обязаны на мне жениться, – легко подхватила она и, на ходу осознавая двусмысленность своего предложения, перевела стрелки, – Раневская, когда застряла в лифте с актёром...

– Заявила: иначе вы меня скомпрометируете, – нарочито серьёзно изложил популярную байку Илья Ильич, – так что, как мужчина порядочный...

– Мне ещё нужно подумать, – предотвратила поспешное его согласие Ирина.

И, радуясь нереальной лёгкости чувств, они рассмеялись как дети...

– На сборы не больше десяти минут, – математическим голосом встретил их на крыльце Родион.

– Извините, я только умоюсь, – кинулся в дом Игорь Ильич.

– Мам! – с укором произнесла Ника.

– Сама не знаю, как... – зябко пожала плечами Ирина.

– Смотри, не простудись. Ариша ещё час, точно, проспит, а ты горячего чаю и под одеяло! – сочувственно скомандовала дочь.

– В путь, – с рюкзаком через плечо вышел Игорь Ильич, проходя мимо, шепнул, – спасибо за сон.

Простились накоротке.

– Пройдём регистрацию, я позвоню, – пообещала Ника.

– До встречи онлайн, – помахал рукой Родион.

Машина беспечно заурчала и удалилась...

А Ирина, завернувшись в оставленное дочерью пуховое одеяло, закрыла глаза.

Хотелось согреться, утишить внутреннюю дрожь.

Обдумать, что произошло?

Если честно, она часто вела себя глупо, но, чтобы уснуть на свидании, а потом ещё навязаться в невесты...

Что это?

Старческая кастрация чувств?

От жалости к себе захотелось всплакнуть.

Да в глазах ни росинки.

И душа, похоже, с диагнозом не согласилась...

Почему?

Потому что Игорь Ильич...

Что, Игорь Ильич?

Не похож на других мужчин?

В том числе, на бывшего мужа, который долго бессловес-

но дарил цветы. И вдруг, на 8 марта прислал открытку:

Она раз сто перечитала эти, пусть неуклюжие, зато лично выстраданные, жизненно важные для сердца, строки.

Воображение разыгралось...

Какими только уникальными качествами не наделила живущего по соседству, незамысловатого внешне парня по имени Николай: и слов на ветер не бросает, и чувствовать умеет как никто...

Недаром говорят: *все беды от невежества!*

Знала бы, что эти строки сосед списал у родоначальника романтизма в русской литературе Жуковского, не стала бы жертвой самолично сотворённой иллюзии...

2. Оконце для солнца...

*

*

*

*

*

*

*

– Мама сказала: через столько дней они с папой вернуться, – мужественно продемонстрировав три посчитанных пальца и сглотнув обиду незаслуженного расставания, – а мы завтракать будем? – строго спросила с порога Ариша.

– Манную кашу без комочков! – озвучила первое, что из детского меню пришло на ум, Ирина.

– Я не маленькая! – подбежала, юркнула к ней под одеяло внучка.

– Тогда яичницу?

– Желтоглазку! – согласилась Ариша и неожиданно спросила, – а дядя Игорь хороший?

– Хороший!

– Откуда ты знаешь?

– Сердцем вижу!

– У тебя, что, в сердце глазки?

– Зёрнышко с глазками, – уточнила Ирина.

– А где ты его взяла?

– В садике ветрянкой заразилась. Волдыри вскочили. Мама их зелёнкой прижгла и ушла на базар за курицей для лечебного бульона, велела ждать её молча. Я честно молчала, даже язык прикусила, и вдруг подумала, что умерла...

– У нас соседка умерла, её на кладбище, где мёртвые живут, отвезли, – сочувствуя, сообщила Ариша.

– Испугалась, вспомнила, когда мама мыла стёкла, тихонько напевала: Открыла штору, а солнце и правда к окну подлетело, протянуло мне луч, по которому мне в руки зёрнышко скатилось, с ушками, глазками, и спрашивает: хочешь, я стану твоим другом? – в ролях разыграла полузабытую картинку из детства Ирина. *в чистое оконце солнышко заглянет, весело и радостно нам с дочуркой станет.*

– Надеюсь, ты захотела? – с пристрастием поинтересовалась внучка.

– Закивала головой так, думала, с плеч слетит. Тогда Солнце сказало, что это зёрнышко не простое, а золотое, и чтобы дружить с ним, мои мысли должны быть чистыми как помытое мамой окно...

– А что дальше?

– Стало не страшно, а когда мама вернулась, я загадала ей загадку: Она засмеялась: моя доченька! Подхватила меня на руки, закружила, и нам ещё долго-долго было весело... *зелёнка, зелёнка у малого ребёнка, кто это?*

– А я! А у меня волосы золотые, – с важным видом сообщила Ариша, – потому что я русская!

– Самая, что ни на есть, русская! – с улыбкой поддержала внучку Ирина.

– Кто по-русски не понимает, тот правды не хочет знать! Мама в старом словаре прочитала. Вот! – наращивая серьёзность, глубоко вздохнула Ариша и тут же по-детски доверительно выдохнула, – а с глазастым зёрнышком мне бы тоже хотелось дружить...

– Да ты у нас сама... и солнышко! И зёрнышко! И с глазками! И с ушками! – сбросив одеяло, зацеловала внучку Ирина.

– А теперь гулять! – расправившись с желтоглазой яичницей и выпив полчашки какао, командным голосом распорядилась Ариша.

– Для начала выберем маршрут, – взяв в руки лежащий на виду альманах «Каравай-град: тайный и явный», утишила пыл внучки Ирина.

Прочитала вслух предисловие: *Если бы нашего города не существовало, его следовало бы выдумать, как пример миролюбивого сожительства людей разных национальностей, талантов и веры, что красноречиво удостоверяет центральная площадь с пятью храмами и местным раем в центре...*

– А хочешь, я покажу тебе Солнце с руками на крыше? – от радостной перспективы запрыгала на одной ножке внучка.

– Тогда, выбери своё лучшее платье, а я пока узнаю, что тут пишут... – читая наискосок страницы, наткнулась на цветное фото пирамиды, увенчанной солнечным диском Ирина.

Подпись под снимком гласила:

Храм Солнца был построен на средства анонимного спонсора, который, по версии местной ясновидящей, в прежней жизни был предавшим фараона жрецом. Пирамида, много-рукое Солнце, ладья-усыпальница, куда любой может схоронить себя, чтоб тет-а-тет поговорить с Богом и вернуться к жизни новым, солнечным человеком – особенный интерес вызывают у тех, кто не нашёл себя в традиционных конфессиях...

Рекламный альманах выскользнул из рук.

– тревожно забилось сердце. *Неужели белая ворона права,*

и меч кар-р-р-мы достигнет здесь Игоря?

– Ира! Ира! Посмотри на меня! – явившись в платье и туфлях «от мамы», отвлекла её от пораженческой мысли Ариша.

– Красота моя, неопиcуемая! – будто за спасением, потянулась, обнять внучку Ирина.

Помешал телефон.

– Мам, забыла предупредить: к ужину Стеша принесёт творог, сливки и молоко. Ариша знает. Как она? – торопливо поинтересовалась Ника.

– Мама спрашивает, как ты?

– Всё кушаю, всё слушаю, собираемся с Ирой в рай, – ткнулась носом в экран Ариша.

– Молодцы! Всё! Объявили посадку! От папы и Игоря Ильича привет!

– Им тоже! – поднимая упавший альманах, ответила Ирина.

Когда сборы в гости к Солнцу подошли к концу, то есть, все были одеты, обуты, причёсаны и гигиенически напoмажены, Ариша звонко приложила себя ладошкой по лбу!

– Ой! Про орешки чуть не забыла!

– Зачем тебе орешки? Ты только что поела, – напомнила Ирина.

– Не мне! Белой вороне! Мама всегда даёт, потому что Рона встречает меня, бьёт клювом о камень и кричит: Арр-риша! Орррешки! – недавно осилившая звук «р», нарочито

раскатисто «пророкотала» внучка.

– Тогда и Рону жменьку, – в воспитательных целях предложила Ирина.

– Он итак всё за Роной доклёвывает... – искренне возразила Ариша, но, подумав, резонно заметила, – хотя, Рон же не мама, чтобы за всех доедать!

Ароматы утренней свежести, цветущей черёмухи и проклюнувшихся лапок хвои сопровождали их по дороге в рай.

– Здравствуйте, Арина Родионовна, – расплылся в улыбке сидящий на лавке под грецким орехом седовласый мужчина и, подняв глаза, не смог скрыть удивления, – прошу меня извинить, не имею чести знать...

– Здравствуй, Петя! Это Ира! – лаконично отреагировала на его слова Ариша.

– Пётр, – поднявшись с лавки, представился мужчина. – В отличие от апостола Петра, владею не ключами от Рая, а метлой и шваброй, иначе говоря, в божеский вид местный рай привожу. Сегодня, например, солнце только встало, откуда ни возмись, стая щеглов налетела, отслужила птичью заутреню. Так молитвенно пели, слушал бы, да слушал! А улетели, за ними, без генеральной уборки, сами понимаете...

– Я Роне орешков принесла, – заскучив от его многословия, напомнила внучка и тут же поправила себя, – Рону и Роне!

– Вот и славно, – поощрительно откликнулся Пётр. – Пта-

хи наши в дозор улетели, вернутся как всегда голодными. Я им уже моркови с тыквой накрошил. А хочешь орешками с руки покормить, подожди. Рона любит, когда ты чешешь ей спинку...

– Ладно, только сначала пусть меня подождут, а то мне срочно с Солнцем поговорить надо, – повесив сумочку с орехами на плечо, распорядилась Ариша.

– Будет сделано! – с серьёзным видом отреагировал чистильщик рая.

– Я бабушка Арины Родионовны, – наконец-то представилась ему Ирина.

– Инопланетная у вас внучка, – восхищённо поклонился ей Пётр.

Входом в пирамиду Солнца служила галерея, облицованная изразцами с силуэтами планетарно-исторических личностей: фараонов, философов, святых, пророков, учёных, поэтов и даже атеистов в ореоле их мудрых высказываний...

– Ира! Смотри! Пушкин! – поклонившись знакомому абрису, артистично продекламировала Ариша: *Ветер на море гуляет и кораблик подгоняет. Он бежит себе в волнах на раздутых парусах...*

Рядом курчавился портрет Саи Бабы с подписью: *Вы не дети греха, вы дети бессмертия!*

– А это Старик Хоттабыч, я видела его в кино! Тохтере-дох! – радостно выдернула невидимую волосинку из невидимой бороды Ариша.

– Это, внученька, древний китайский мыслитель Конфуций, – поправила её Ирина.

– Что значит, мыслитель? – поинтересовалась внучка.

– Мудрец. Философ.

– Как Игорь?

– Когда вернётся, мы уточним, кто он? – пообещала Ирина. – А сейчас услышь и запомни, возможно, самую мудрую мысль Конфуция: *Тот, у кого внутри светит солнце, будет видеть солнце даже в самый пасмурный день.*

– Ещё у кого чистое-пречистое, как помытое окошко, сердце, – напомнила историю о глазастом зёрнышке Ариша.

– А в самом храме давай помолчим, – приложила палец ко рту Ирина.

– Т-с-с-с...

Внутри храм был похож на ярмарку народного творчества, куда местные авторы приносили свои художества не на продажу, а для духовного обогащения сограждан.

Половодье чувств, апофеоз свободного искусства.

Русские пейзажи...

Иконы, с непривычными ликами...

Глиняное изваяние индийского бога Ганеши с улыбкой Джоконды под хоботом...

– Извините, не узнаю вас... – неожиданно окликнул Ирину стоящий неподалёку мужчина.

– Я впервые здесь, – переключив внимание на явно любующегося своим произведением художника, ответила она.

Решила, ей предлагают стать свидетелем успеха, и подошла.

– Эту икону я назову – доверчиво сообщил незнакомец.
«*Рождение души*»,

На небольшом холсте в радужных аурах кружили крошечные солнца.

– Вы уверены, что это... души? – невольно осведомилась Ирина.

– Своими глазами видел, – посмотрел на неё незрячим взором художник. – Ангелы-хранители замешивают энергии, будто тесто по звёздным рецептам...

– Не знаю, даже, что сказать...

– Из чего следует: слух о слепом богомазе до вас ещё не дошёл...

– Не дошёл.

– Тогда, коротко, из первых уст. Мне было три года, когда умер отец. Мама сказала: Бог позвал его к себе на небо. Я решил, вырасту, стану лётчиком, увижу отца. Воевал в горячей точке, был сбит, горел, катапультировался чудом. Три дня в коме. Глаз врачи не спасли. Но я видел. И земного отца, и Небесного, и ангелов, и святых. Все были веселы, светлы, влюблены в жизнь. Мне с ними было так легко, что я решил остаться. поддал мне пинка под зад Отче... *тот свет*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.